

ПРАВИЛА
ПРИЛИЧИЯ
для ШПИОНКИ

ТАЙНЫ ХОУТОРН ХОЛЛА

СЭРА М. РИВЗ

Сэра М.Ривз

Правила приличия для шпионки

«Автор»

2026

Сэра М.Ривз

Правила приличия для шпионки / Сэра М.Ривз — «Автор», 2026

1980 год. Журналистка Джинни Росс получает шанс, о котором мечтает любой репортер: под чужим именем попасть в Хоуторн-Холл - поместье загадочного герцога Джеймса Кавендиша, человека, который годами избегает общества и прессы. Она едет туда, уверенная, что знает все о таких людях. О богатых мужчинах, которые рождаются с титулом, живут в роскоши и считают себя выше остальных. Но Хоуторн-Холл оказывается совсем не таким, как она ожидала. Как и его хозяин. Старинное поместье хранит слишком много тайн, за спокойствием Джеймса Кавендиша скрывается нечто куда более опасное, чем высокомерие, а их первая встреча быстро превращается в игру, где каждое слово звучит как вызов. И чем дольше Джинни остается в Хоуторн-Холле, тем сильнее понимает: некоторые двери лучше не открывать. Особенно если за ними стоит человек, которого ты совершенно не собиралась впускать в свою жизнь.

© Сэра М.Ривз, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10

Сэра М.Ривз

Правила приличия для шпионки

Глава 1

Глава 1.

В тот день Мартин вызвал меня к себе в кабинет в восемь утра.
Что само по себе уже было угрозой.

В редакции в такое время появлялись либо трудоголики, либо люди, которым собирались испортить жизнь. Иногда – и то и другое одновременно.

Я шла по длинному коридору между столами, заваленными бумагами, гренками и переполненными пепельницами. Под ногами скрипели старые доски пола, где-то звенел телефон, кто-то уже орал на наборщика так, будто собирался лично задушить его газетной лентой.

В воздухе висел густой запах типографической краски, дешевого кофе и сигаретного дыма – настолько плотный, что им, кажется, можно было штукатурить стены.

Редакция просыпалась тяжело, шумно и с похмельем.

У телетайпа двое журналистов спорили о выборах с такой яростью, словно от этого зависело будущее Британской империи. Молодой корректор спал лицом прямо на корректуре, не выпуская карандаш из руки. А у окна старый криминальный обозреватель уже пил виски из кружки с надписью: «Лучший отец года».

Обычное утро.

Когда я подошла к кабинету Мартина, секретарша подняла на меня взгляд поверх очков. Она выглядела так, будто пережила здесь не один редакторский нервный срыв и давно перестала чему-то удивляться.

- Если он начнет кричать, пригнись, - предупредила она сухо, даже не поднимая взгляда от бумаг.

Я замерла у двери и театрально вскинула брови. Уж кто-кто, а наш шеф кричать не умел в принципе. Зато читать нотации с видом утомленного жизнью родителя – это пожалуйста.

- А если начнет кидаться пепельницей? – поинтересовалась я, скрестив руки на груди. В конце концов, статус любимой язвы офиса нужно было поддерживать.

Женщина даже не улыбнулась. Её лицо оставалось каменным. Она лишь неторопливо перевернула страницу в блокноте и спокойно ответила:

- Тогда целься в ответ.

Я фыркнула себе под нос, оценив совет и толкнула тяжелую дверь.

Кабинет был утоплен в дыме.

Сквозь полузакрытые жалюзи пробивался бледный утренний свет, полосами ложась на заваленный бумагами стол. Сам Мартин сидел в кресле, расстегнув жилет и ослабив галстук, с сигаретой в зубах и видом человека, который либо собирается разрушить кому-то жизнь, либо не спал последние трое суток.

Скорее всего – оба варианта сразу.

Он поднял на меня уставший взгляд.

- Закрой дверь, Росс. – попросил Мартин, откидываясь на спинку кресла.

Я закрыла ее ногой и осталась стоять напротив стола.

- Надеюсь, это либо повышение, либо признание в любви, - она остановилась прямо перед его тяжелым дубовым столом. Нарочито равнодушно скрестила руки на груди, но в уголках глаз затаилось привычное ожидание нагоняя.

Уголок его рта заметно дернулся. Мужчина отложил ручку, устало потер переносицу и посмотрел на неё поверх очков - строго, но с той особой, почти отцовской теплотой, которую позволял себе только наедине.

- Для признания ты слишком язвительная.

- А для повышения слишком бедная? – она задорно вскинула подбородок.

Мартин тихо хмыкнул, качнув головой. Посмотрел на этот ходячий вихрь упрямства, который умудрялся сдавать репортажи лучше всей остальной конторы вместе взятой, и тепло улыбнулся.

- Вот поэтому ты мне и нравишься.

Он потянулся к ящику стола и достал тонкую черную папку.

Без названия.

Без печатей.

Только неровная подпись от руки.

«Хоуторн-Холл».

Мартин положил ее передо мной с таким выражением лица, будто вручал не документы, а проклятие.

Я медленно открыла папку.

- Герцог Джеймс Кавендиш, - начал он, откинувшись в кресле. – Последний представитель одного из старейших родов Англии. Молодой. Богатый до неприличия. И, по слухам, настолько высокомерный ублюдок, что даже лондонская знать считает его неприятным.

Я перелистнула страницу и тихо хмыкнула.

- Впечатляет. Обычно аристократам это дается без особых усилий.

Мартин коротко усмехнулся и стряхнул пепел в переполненную пепельницу.

- Живет затворником в своем поместье в Йоркшире. Почти не появляется в обществе. Не дает интервью. Не устраивает приемов, - он затормозил на одной из страниц, устало потер переносицу и с усмешкой добавил: - А журналистов, которые пытаются пролезть к нему через ворота, выставляют обратно быстрее, чем бездомных котов из мясной лавки.

- Уже начинаю его уважать.

- Не начинай, Росс, - он даже не поднял головы от открытых бумаг. Его голос прозвучал строго, моментально сбивая с меня весь спесивый настрой.

Он наклонился вперед и ткнул пальцем в фотографию внутри папки.

- Мы хотим понять, кто он такой на самом деле.

Я перевернула страницу.

На фотографии было поместье.

Огромное серое здание из темного камня. Башни уходили в туманное небо, окна смотрели холодно и пусто, будто в доме давно не осталось ничего живого.

Хоуторн-Холл выглядел не просто домом. Он выглядел мрачным, зловещим предупреждением для любого, кто осмелится подойти к его порогу.

Я уставилась на черно-белый снимок в досье, и по моей спине пробежал неприятный, липкий холодок.

- Господи... - пробормотала я, криво усмехнувшись, чтобы скрыть внезапную дрожь в голосе. – Это поместье или академия для вампиров?

- Ты еще внутри не была, - хмуро отозвался шеф. Он выпустил в потолок очередную струю дыма и постучал пальцем по столу, призывая меня вернуться к делу.

Я тихо вздохнула и продолжила лениво листать плотные листы документов, вчитываясь в сухие строчки. Краткая биография нашего затворника была скучной до безобразия. Итон. Оксфорд. Военная служба в горячих точках. Возвращение в родовое поместье.

И почти ничего дальше. Ровным счетом пустой лист длиной в несколько лет.

Ни тебе бурных романов. Ни пьяных скандалов на первых полосах газет. Ни единого громкого появления в высшем обществе. Человек просто взял и ластиком стер себя из этого мира.

- Странно, для человека с таким титулом о нем подозрительно мало информации.

Мартин медленно выпустил густую струю дыма к потолку, провожая ее взглядом уставших глаз.

- Потому что такие люди умеют покупать тишину, Росс.

На секунду в кабинете воцарилась глухая, тяжелая тишина. За тонкой стеной все так же привычно и бешено трещали печатные машинки. Кто-то громко, в красках выругался в коридоре, уронив стопку бумаг.

Где-то далеко внизу, на залитой дождем улице, нервно и пронзительно просигналил грузовик. Вся редакция жила своей обычной шумной, нервной и суетливой жизнью.

А в этом кабинете вдруг стало слишком, до звона в ушах, тихо.

- Мы делаем материал о людях вроде него, - продолжил Мартин уже спокойнее. – О тех, кто живет в своих фамильных замках, пока половина страны считает мелочь перед покупкой хлеба.

Понимая, во что ввязываюсь, я шумно выдохнула. Откинулась на спинку жесткого стула, на который все-таки пересела, и устало потеряла переносицу.

- О, прекрасно. Классовая война до завтрака. Обожаю.

- Именно поэтому я тебя позвал, - Мартин едва заметно улыбнулся одними уголками губ.

- Твой фирменный яд здесь придется как раз к месту.

Я снова посмотрела на фотографию Джеймса Кавендиша.

Снимок был сделан издалека. Высокая фигура в темно пальто. Лица почти не видно – только силуэт на фоне серого неба.

Но даже через это дешевое газетное фото отчетливо проступало что-то липкое, темное и очень неприятное.

От этой смазанной фигуры веяло холодной, железобетонной уверенностью человека, который прекрасно знает, какое пугающее впечатление производит на окружающих. И, что еще хуже, чертовски привык этим пользоваться.

- И как ты предлагаешь мне подобраться к герцогу? – спросила я, подняв взгляд. – Постучать в дверь и сказать: «Добрый день, Ваша Милость, я пришла разрушить вашу репутацию, у вас не найдется чашечки чая»?

- Почти, - Мартин даже бровью не повел. Он спокойно полез в ящик стола и протянул мне еще один документ.

Я взяла его, пробежалась глазами по первым строчкам – и медленно подняла взгляд обратно.

- Кавендиш ищет личного архивариуса для разбора старых семейных бумаг, - невозмутимо сообщил он, будто рассказывал о прогнозе погоды на завтра. – И Мы очень удачно подсунили твою кандидатуру через историческое общество. Ты идеально подошла по всем критериям.

- Мы? – переспросила я тихо, чувствуя, как внутри закипает праведное возмущение. Кажется, меня только что заживо скормили йоркширскому чудовищу.

Мартин в ответ даже не попытался изобразить хоть каплю вины на своем лице. Он откинулся в кресле, выпустил дым к потолку и пожал плечами с ленивой невозмутимостью человека, который давно перестал различать границу между журналистикой и преступлением.

- Иногда журналистика требует творческого подхода, - философски заметил он.

Я коротко усмехнулась, хотя внутри уже начинало неприятно покалывать раздражение.

- Вообще-то, в нормальном мире твой «творческий подход» называется мошенничеством.

- В нормальном мире, Росс, - протянул он, стряхивая пепел, - никто не читает скучные статьи.

Он посмотрел на меня поверх сигареты – слишком довольный собой для человека, который только что фактически отправил меня на потенциально незаконное задание.

- А хорошая статья обычно начинается именно с плохой идеи.

Я покачала головой, понимая, что спорить с этим упрямым бесполезно.

- Мне могут арестовать, Мартин. В первый же день.

- Да, вполне вероятно - с леденящим душу спокойствием согласился он. – Но сначала ты прославишься.

Несколько секунд я просто смотрела на него.

Вот за что я ненавидела Мартина – спорить с ним было почти весело. Он умел превращать катастрофы в авантюры, а авантюры – в заголовки первой полосы.

- Ты поедешь туда как самый настоящий исследователь, - продолжил он. – Будешь жить в его огромном поместье. Работать с пыльными архивами. Наблюдать за каждым шагом. Слушать стены. Искать грязь.

- А если грязи не окажется? – я скрестила руки на груди, упрямо глядя на шефа.

На этот раз он посмотрел на меня так, будто я только что сказала самую наивную вещь столетия.

- Он чертов герцог, Росс. У людей с такими деньгами грязь есть всегда.

Я шумно вздохнула и закрыла папку.

И в ту же секунду почувствовала это знакомое ощущение.

Азарт.

Он медленно разливался внутри – теплый, опасный, почти опьяняющий. Именно из-за него журналисты лезут туда, куда нормальные люди не сунулись бы даже за деньги.

Это было не просто задание.

Это была охота.

Я несколько секунд сверлила взглядом черную обложку папки, будто та могла внезапно исчезнуть и избавить меня от будущих проблем.

Папка не исчезла. Наоборот, она словно стала еще тяжелее.

- Когда выезжать?

Мартин затушил сигарету о край стеклянной пепельницы. И тут же, не теряя ни секунды, достал из пачки и закурил новую.

- Завтра утром.

Я коротко прикрыла глаза, мысленно проклиная весь белый свет. Конечно. Завтра утром. Потому что в моей жизни неприятности никогда не приходили строго по расписанию. Они вообще не стучались. Они просто с ноги вламывались в мою дверь и по-хозяйски устраивались поудобнее.

- Ненавижу тебя, - пробормотала я, засовывая папку под руку.

Уголок его рта снова дернулся.

- Все мои лучшие журналисты так говорят.

Когда я вышла из кабинета, редакция уже окончательно проснулась.

Телефоны надрывались. Печатные машинки стучали как пулеметы. Мир снова пришел в движение.

Я остановилась у окна в коридоре.

Дождь размазывал Бирмингем по стеклу, превращая улицы в серые акварельные пятна.

Люди внизу спешили под зонтами, сутулясь от ветра и усталости.

Грязный город.

Шумный.

Уставший.

И где-то далеко, среди йоркширских холмов, стоял человек, который родился в мире, где никогда не приходилось выбирать между ужином и отоплением.

«Джеймс Кавендиш».

Богатый.

Замкнутый.

Опасно неизвестный.

Такие люди всегда что-то скрывают. И я собираюсь выяснить – что именно.

В тот вечер я почти не спала.

Моя квартира была крошечной, холодной и настолько тесной, что, если вытянуть руки, можно было одновременно коснуться и облупленной стены кухни, и собственных жизненных разочарований. Старая батарея едва теплилась. Из щелей в окне упрямо тянуло противной сыростью. А в ванной уже третью неделю подозрительно капало с потолка.

За стеклом уныло моросил мелкий английский дождь. В такую погоду весь город насквозь пах мокрым асфальтом, угольным дымом и бедностью.

Я стояла у окна, обхватив пальцами кружку с давно остывшим чаем, и бездумно смотрела на размытые огни ночного Бирмингема. Где-то внизу проехал автобус, с шумом разбрызгивая воду по мостовой. В соседней квартире ругалась семейная пара. Кто-то смеялся на улице - слишком громко и фальшиво для полуночи.

Это была моя обычная, понятная жизнь.

А я думала о человеке, которого никогда не встречала.

Почему он прячется?

Почему избегает общества?

И почему у меня ощущение, будто эта поездка закончится катастрофой?

Моя интуиция вообще редко пыталась меня остановить. Обычно она просто заранее, с легким сарказмом предупреждала, насколько именно все будет плохо.

Я прикрыла глаза и устало усмехнулась.

- Отлично, Джинни, - пробормотала я себе под нос, обращаясь к отражению в темном стекле. – Именно в такие моменты люди обычно принимают худшие решения в своей жизни.

За окном резкий порыв ветра с силой ударил в стекло, будто подтверждая мои слова.

- А потом все равно их принимают.

Глава 2

Глава 2

Вокзал Нью-стрит встретил меня привычным апокалипсисом - словно весь город вдруг решил куда-то умчаться одновременно.

Люди толкались, огибали друг друга, спотыкались о громоздкие чемоданы. Кто-то нервно поглядывал на часы, кто-то кричал в телефон, кто-то растерянно озирался по сторонам.

Над головой трещали отрывистые, неразборчивые объявления, перекрываемые гулом голосов и грохотом поездов. Воздух был густым: пах кофе из кофейни, промозглой сыростью дождя и железной дорогой - той самой смесью дыма, металла и машинного масла, которую ни с чем не спутаешь.

Свистки, гудки, скрип тормозов, детский плач...Все сливалось в непрерывный гул.

Я приехала за час до отправления - с запасом, с точностью до минуты. Потому что ненавижу опаздывать. Ненавижу это чувство паники, когда бежишь, задыхаясь, по перрону, а поезд уже трогается.

В голове всплыли слова мамы:

-

Пунктуальность - вежливость королей, - говорила она, поправляя мою шапку.

После чего отец обычно поднимал глаза от газеты, фыркал и неизменно отвечал:

-

Тогда нам с тобой можно расслабиться, Мегги.

Я улыбнулась, вспоминая эту старую шутку. Где-то внутри все равно оставалось то самое ощущение: лучше прийти слишком рано, чем на секунду позже.

Мой чемодан выглядел так, словно пережил две войны, один переезд и крайне токсичные отношения. Одно колесико давно отвалилось, ручка держалась исключительно на упорстве и, возможно, на чьих-то негласных молитвах. Внутри лежало все мое "прикрытие": несколько строгих блузок, темные юбки, блокноты, ручки, диктофон размером с пачку сигарет - рождественский подарок Мартина и потрепанный экземпляр "*Рассказа служанки*".

Некоторые люди носят с собой Библию. Я предпочитала Маргарет Этвуд.

Пока поезд готовили к отправлению, я сидела на скамейке и наблюдала за людьми.

Мужчина в мятом пальто бушевал у кассы, размахивал руками и кричал на кассиршу так яростно, будто она лично отменила все его планы на жизнь. Рядом маленькая девочка ела шоколад и методично размазывала его по лицу матери, которая лишь устало улыбалась. Чуть поодаль пожилая женщина кормила голубей с видом настоящего профессионала: аккуратно бросала крошки, следила, чтобы всем хватило, - словно выполняла важнейшую миссию во Вселенной.

Настоящая жизнь.

Шумная.

Нелепая.

Живая.

И я неожиданно поймала себя на мысли, что уже скучаю по ней. Это было глупо - я еще даже не уехала. Но что-то внутри уже сжималось от предчувствия разлуки с этими мимолетными, но такими настоящими моментами.

Поезд до Йорка отходил в 8:15.

Я заняла место у окна и с натугой закинула чемодан на полку - с таким усилием, будто поднимала не вещи, а собственное финансовое положение. Спина тут же выразила свое мнение хрустом.

- Великолепно, - пробормотала я себе под нос. - Еще даже не приехала, а организм уже решил уйти в отставку.

Женщина через проход бросила на меня осторожный взгляд и тут же отвернулась.

Прекрасно. Теперь я выгляжу как человек, разговаривающий сам с собой.

За окном моросил дождь. Конечно моросил. Если однажды Бирмингем проснется под солнцем, жители решат, что начался конец света, и начнут писать завещание.

Поезд тронулся. Медленно. Тяжело. С таким характерным скрипом старых вагонов, который почему-то всегда напоминал мне начало плохих решений - или хотя бы их предвестником.

Город начал растворяться за стеклом. Фабричные трубы, уходящие в серое небо, словно антенны для связи с прошлым. Кирпичные дома с окнами, похожими на прищуренные глаза. Закопченные улицы, где асфальт блестел от влаги, как старая кожа. Пустыри, разрисованные граффити - будто кто-то пытался оставить на них послание миру. Мокрые переулки, в которых, казалось, навсегда застряла осень. Сутулые люди в темных пальто, спешащие куда-то с видом людей, которые уже не верят, что дойдут.

Бирмингем никогда не пытался быть красивым. В этом было что-то честное - без прикрас, без иллюзий, просто жизнь как она есть.

Потом пейзаж сменился. Появились поля - бесконечные зеленые пространства, разделенные каменными изгородями, словно кто-то гигантское рукой расчертил землю на клетки. Овцы мирно паслись под серым небом, невозмутимые, сосредоточенные на вечном деле - есть траву и быть невозмутимыми.

Я смотрела на них и думала, что они выглядят спокойнее большинства людей, которых я знаю. И, возможно, мудрее.

В вагоне было непривычно тихо.

Без сирен. Без фабричного грохота. Без вечного городского шума, к которому привыкаешь настолько, что перестаешь замечать.

Только ритмичный стук колес, мерный и убаюкивающий, будто отсчитываешь минуты до чего-то важного.

Я достала папку с материалами на Джеймса Кавендиша. Имя уже начало раздражать меня своим аристократическим совершенством - слишком гладкое, слишком безупречное, будто высеченное на мраморной плите.

Джеймс Кавендиш.

Даже звучит так, будто человек родился не в роддоме, а сразу в портрете с маслом - в камзоле XVIII века, с фамильным перстнем и взглядом, оценивающий мир с высоты родословной.

Я открыла папку.

Ни одного нормально скандала. Ни любовниц. Ни фотографий пьяного дебоша в Монако. Ни внезапных незаконнорожденных детей. Ни разводов. Ничего.

Чем вообще занимается богатый мужчина в тридцать два года, если не разрушает себе репутацию?

- Подозрительно, - пробормотала я.

Женщина напротив вздрогнула и инстинктивно прижала к себе сумочку, словно я собиралась ее выхватить.

Я медленно подняла взгляд. Она смотрела на меня так, будто я только что призналась в убийствах - да еще и перечислила подробности.

- Не вы, - устало пояснила я. - Герцог.

Это, кажется испугала ее еще больше. Ее глаза расширились и она поспешно отвернулась к окну и сделала вид, что поглощена видом приносящихся мимо деревьев.

Прекрасно.

Теперь я точно выгляжу как человек, который спорит с аристократами у себя в голове и, судя по всему, проигрывает.

Я снова уткнулась в документы.

“Холост”.

Вот это действительно было странно. Такие семья не живут - они размножаются стратегически. Брак для них - почти разновидность бизнес-сделки, только с фамильными драгоценностями, родовыми поместьями и эмоциональными травмами для потомков в качестве бонусов.

Так почему герцог до сих пор один?

Я сделала пометку в блокноте:

“Либо ненавидит общество. Либо общество ненавидит его”.

И почему-то второй вариант показался мне гораздо интереснее. Я невольно улыбнулась. Охота началась.

К полудню поезд прибыл в Йорк.

Я вышла на платформу и сразу почувствовала разницу. Воздух здесь был другим. Чистым. Настолько чистым, что первые несколько секунд мне казалось, будто я дышу неправильно. словно мои легкие, привыкшие к угольной пыли и выхлопам, не знают как с этим справиться. Ни привычной городской тяжести, ни гари, ни смога. Только холодный ветер и запах дождя, свежий и пронзительный, как первый глоток воды после долгой жажды.

Я медленно вдохнула полной грудью.

- Господи... - пробормотала я. - Так вот чем дышат богатые.

- Простите? - переспросил кто-то рядом.

- Ничем, - поспешно ответила я.

На вокзале меня уже ждали.

Пожилой мужчина в идеальном сидящем темном костюме держал табличку с надписью “Мисс Росс”. Он выглядел так, будто родился в этом костюме и с тех пор ни разу не позволил себе помяться - ни складочки, ни малейшего намека на небрежность.

- Добрый день, мисс Росс, - произнес он безупречным вежливым голосом. И абсолютно лишенным эмоций - так, словно чувства были чем-то неприличным, что полагается скрывать за маской учтивости. - Я отвезу вас в Хоуторн-Холл.

Я не успела даже толком поздороваться, как он уже забрал мой чемодан. Судя по выражению его лица, потрепанная вещь оскорбила его лично. И, честно говоря, я его понимала.

Машина оказалась старым “Ягуаром”. Не просто дорогим, а тем типом дорогих вещей, которые выглядят так, будто существуют вне времени и налогов.

Кожаные сиденья пахли табаком, дорогим одеколоном и деньгами, запахом, который я никогда не спутаю: смесью кожи, полированного дерева и едва уловимой нотки власти.

Я осторожно села внутрь, чувствуя себя человеком, который случайно проник в чужую жизнь. Моя куртка с распродажи смотрелась здесь примерно так же уместно, как голубь на королевском банкете - нелепо, чуждо, почти вызывающе.

- Далеко ехать? - спросила я, пристегиваясь.

- Около часа, - коротко ответил шофер. Его голос звучал так же ровно и сухо, как и его манеры.

За окном проплывали деревни.

Каменные дома. Старые церкви. Поля. Леса.

Все выглядело настолько идеально, что начинало раздражать.

“Вот где живут люди, которые никогда не проверяли баланс счета перед покупкой хлеба”, - подумала я. И почти сразу почувствовала, как внутри поднимается старая, знакомая злость - горькая, знакомая с детства.

Мама работала на фабрике по двенадцать часов. Отец угробил спину на стройке. А кто-то в это время пил чай в поместье размером с собор, любуясь видом из окна, за который я отдала

бы полгода зарплаты. Несправедливость всегда выглядит особенно красиво из окна дорогой машины.

Мы свернули на узкую дорогу. Деревья сомкнулись над нами, образуя темный тоннель. Даже воздух здесь казался другим. Холоднее. Тише. Слово мир за пределами леса остался где-то очень далеко.

- Сейчас увидите Хоуторн-Холл, - произнёс водитель.

И через несколько секунд деревья расступились.

Поместье появилось внезапно. Огромное. Серое. Невозможное. Башни поднимались в пасмурное небо, высокие окна смотрели холодно и равнодушно, а сам дом производил впечатление чего-то живого. Чего-то, что наблюдает, оценивает, запоминает.

У меня неприятно сжалось горло. Не дом. Крепость. Или ловушка. Что-то древнее, тяжелое, пропитанное историей и властью.

- Господи... - выдохнула я.

- Да, - спокойно ответил водитель таким тоном, будто слышал это минимум три раза в день.

Машина остановилась у парадного входа. Дверь открылась почти мгновенно. На ступенях стоял мужчина в черном костюме.

Высокий. Безупречный. С таким прямым позвоночником, что рядом с ним хотелось автоматически признать все свои грехи и оплатить налоги.

- Мисс Росс, - произнес он. - Я Хопкинс.

Даже имя у него было дворецким, строгим, выверенным, будто высеченным на табличке у входа в музей.

- Прошу, проходите. Ваша комната готова.

Я поднялась по ступеням. Сердце колотилось сильнее обычного. Не от страха. От ощущения, будто я только что пересекла границу между мирами.

Внутри Хоуторн-Холл оказался еще более абсурдно роскошным, чем снаружи. Высокие потолки. Мраморные полы. Картины в золоченных рамах. Лестницы, по которым наверняка драматично спускались поколения эмоционально подавленных аристократов.

Мои ботинки звучали здесь слишком громко, каждый шаг отдавался эхом, будто дом уже знал, что я чужая.

- Его светлость ожидает вас за ужином, - сообщил Хопкинс, пока мы шли по длинному коридору.

Я замерла на полушаге, сжимая ремешок сумки.

- За ужином? - переспросила я, стараясь скрыть удивление. - Простите, я, должно быть, что-то упустила в условиях контракта.

Хопкинс даже не дрогнул - стоял прямо, руки по швам, взгляд невозмутим.

- Да, мисс Росс. Ужин с его светлостью в шесть часов. Это часть соглашения.

Я вскинула бровь:

- Я думала, меня наняли разбирать архивы, а не участвовать в викторианском спектакле с обязательным дресс-кодом.

Уголок его рта едва заметно дернулся, на долю секунды, так быстро, что я могла бы спить это на игру света. Но нет: он понял шутку. И почти позволил себе улыбку.

- В Хоуторн-Холл гости не ужинают в одиночестве, - повторил он ровным тоном, но в голосе прозвучала едва уловимая нотка снисходительности. - Это традиция.

Я скрестила руки на груди:

- А если гость социопат?

Он чуть склонил голову, словно оценивая вопрос.

- Тогда ему особенно полезно общество, - ответил он с безупречной вежливостью. - К тому же, его светлость весьма обаятелен в неформальной обстановке.

Вот это уже было интересно. В его словах прозвучал намек - едва уловимый, но осязаемый: здесь все имеет свой смысл, свои правила, свои скрытые послания.

Моя комната находилась на втором этаже. И была больше моей квартиры. Гораздо больше. Настолько, что я замерла на пороге, пытаясь осознать масштабы этой роскоши.

Кровать под балдахином. Камин. Старинный письменный стол. Свежие цветы в вазе, будто их поставили только что, специально к моему приезду. Люди здесь жили так, будто у них был личный контракт с роскошью.

Я подошла к окну. Парк тянулся до самого озера - бескрайний, ухоженный, идеальный. Старые дубы качались под ветром, вода темнела под серым небом, а весь пейзаж выглядел слишком красивым, чтобы быть настоящим.

Именно такие места обычно скрывают самые уродливые вещи.

Я почувствовала странное напряжение. Словно дом ждал чего-то. Или кого-то.

В стекле отразилось мое лицо - уставшее, настороженное, слишком живое для этого идеального мертвого места.

- Ты здесь по делу, Джинни, - тихо сказала я своему отражению. - Не забывай об этом.

Через час я переделалась в свой лучший костюм - темно-синий, строгий, купленный на распродаже после трех месяцев экономии и отправила вниз.

Навстречу герцогу.